

ОТЦОВСКИЙ ИНСТИНКТ

*или как мы
детей делали*

ВАДИМ ФЁДОРОВ

Вадим Фёдоров

**ОТЦОВСКИЙ ИНСТИНКТ
или как мы детей делали**

«Издательские решения»

Фёдоров В.

Отцовский инстинкт или как мы детей делали / В. Фёдоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968618-3

Главная тема рассказов Вадима Фёдорова — отношения между мужчиной и женщиной. Отправной точкой сюжета очень часто становится какая-нибудь бытовая деталь: чашка кофе, букет цветов на кассе или шторы. Здесь есть всё: интрига, ирония, эротика, неожиданная концовка и чувство сожаления, что рассказ уже прочитан, как и бывает после встречи с хорошим писателем. А после этого хочется открыть книгу Вадима Фёдорова — бумажную или электронную — и читать все рассказы, один за другим, не отрываясь.

ISBN 978-5-44-968618-3

© Фёдоров В.
© Издательские решения

Содержание

Повесть	6
Отцовский инстинкт или как мы детей делали	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Отцовский инстинкт или как мы детей делали

Вадим Фёдоров

Иллюстратор Анастасия Фёдорова

Корректор Светлана Охотникова

© Вадим Фёдоров, 2019

© Анастасия Фёдорова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-8618-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть

Отцовский инстинкт или как мы детей делали

С Леной я познакомился, когда мне стукнуло 49. За плечами было три законных брака, несколько гражданских и стойкое разочарование в современных женщинах

«Буду жить один. Хватит экспериментов», – решил я.

И тут случилась Лена. Младше меня на пять лет. Одного со мной роста. Симпатичная, умная, ласковая. Она жила в небольшом городке под Прагой с уже взрослым сыном и престарелыми родителями.

Почувствовав, что влюбляюсь в нее, я запаниковал. Мне уже понравилось холостяковать. Свободная жизнь без обязательств затягивала. К тому же я боялся опять обжечься, как это было с моими предыдущим женщинами.

Мучился я недолго. Меня спас телефонный звонок от одной знакомой художницы. Ее звали Таня, и, судя по всему, она строила относительно меня некоторые планы.

– Ты нам срочно нужен, – сказала Таня после приветствия, – приезжай. Адрес я тебе сбросила.

– Нам – это кому? – уточнил я.

– Нам – это девочкам, – ответила 40-летняя Таня. – Мы соревнуемся, кто лучше борщ сварит. Нужен мужчина, судья, который определит, кто лучше всех готовит.

– Да у вас там нешуточные страсти кипят, – усмехнулся я в трубку. – Сколько девочек?

– Пять, – ответила Таня, – я шестая.

– Я столько не съем, – честно признался я. – Мне борщ нравится, но не в таком количестве.

– Да мы тебе по чуть-чуть нальем, – затараторила Таня. – Девочки старались. С утра у меня на кухне черт-те что творится. А один знакомый повар, который до этого согласился, не пришел. Выручай. Пожалуйста. Я тебе за это свою картину подарю. На выбор.

И замолчала, томно дыша в телефонную трубку.

– Хорошо, – согласился я, – ждите. Через полчаса буду.

И я поехал на дегустацию борщей.

В просторной квартирке у Тани на Баррандове действительно было еще пять женщин возрастом от 20 до 45 лет и худой бородатый мужик в джинсах и грязной майке.

– Так вот же, – показал я рукой на мужика, – вот же вам судья. Зачем мне надо было за тридцать земель переться?

– Я вегетарианец, – грустно сказал мужик, – не ем мясо братьев наших меньших.

– Бедный, – пробормотал я и пошел к столу.

Стол ломился от еды: оливье, селедка под шубой, ряд овощных салатиков, куриные крылышки. И посередине этого изобилия запотевшая бутылка водки.

– Веган не пьет? – уточнил я.

– Не пьет, – вздохнула Таня, – зато весь морковный салатик стрескал.

– Молодец, – похвалил я бородатого, – зрение будет в порядке. Где тут ваши борщи?

– Мы их под номерами тебе подавать будем, – пояснила Таня, – чтобы соблюсти анонимность. Тебе просто надо будет сказать номер, который лучше всех.

И пододвинула ко мне дымящуюся тарелку с борщом.

Я добавил в борщ сметанки, отхлебнул пару ложек. Было вкусно.

Мне тут же подвинули вторую тарелочку. Потом третью, четвертую, пятую, шестую.

Потянулся было за водкой, но вспомнил, что за рулем, и отдернул руку.

– Какой номер победил? – требовательно спросила Татьяна.

– Пятый, – ответил я, накладывая себе в тарелку оливье.

Одна из девиц завизжала от восторга.

– Почему пятый? – требовательно спросила Татьяна.

– Потому что только у пятого к борщу прилагались пампушки, – объяснил я, – причем натуральные пампушки, с чесноком. Хотя остальные номера тоже очень вкусные. Но борщ без пампушек – не борщ, а так, суп обычный.

– Поня-я-ятно, – протянула Татьяна. – А шестой номер-то хоть понравился?

– Шестой был великолепен, – поняв, кто приготовил шестой номер, сказал я. – Если бы с пампушками, я бы ему первое место присудил.

Таня просияла.

В это время в квартиру прибыла еще одна девица. С огромной сумкой, наполненной красками и кистями.

– Кто первый? – окинув взглядом нашу притихшую компанию, спросила она.

– Давайте Вадима первого, – предложила победительница.

– Я живым не дамся, – на всякий случай предупредил я.

– Да не бойся, – Татьяна притащила стул и поставила его к окну, – Евгения тебе маску на лице нарисует. Праздник все-таки. Хэллоуин. Ты кем хочешь стать? Вампиром или страшным клоуном?

– Джокером, – попросил я, усаживаясь на стул, – клоунады и вампиризма в моей жизни и так достаточно.

Женя обошла меня со всех сторон и принялась работать: рисовала, брызгала лаком на волосы. Через 15 минут закончила.

– Готово, – сказала она. – Следующий.

Я уступил место на стуле и подошел к зеркалу. Из него на меня глянул натуральный Джокер. Но почему-то в моей одежде.

– Здорово, – сказала Татьяна, – тебя прям не узнать. Садись за стол и не двигайся особо. Лак должен затвердеть.

Она усадила меня за стол. Подсела ко мне. Налила компотика.

– Давно тебя не видно, – сказала она, ненароком задев меня бедром. – Куда делся?

– Да вот, решаю извечный жизненный вопрос, – отодвигаясь, ответил я.

– Быть или не быть? – спросила Таня.

– Не совсем, – ответил я, – жениться или не жениться, вот в чем вопрос.

– Влюбился? – заинтересовалась Татьяна.

– Да, – ответил я, прихлебывая компот, – втрескался по самое не балуй.

– А она? – опять спросила Таня.

– И она втрескалась, – подумав, ответил я.

– И? – продолжила вопрос Таня. – Живите вместе. Зачем расписываться? Вон – пол-Европы так живет.

– Воспитание советское, – вздохнул я, – на подкорке в мозгу выжжено, что если сплю с женщиной, то, как порядочный человек, обязан на ней жениться.

– Тогда женись, – вздохнула Таня. – В чем проблема-то?

– Да боюсь, что будет как всегда, – в тон Татьяне вздохнул я, – в полночь пробьют часы, и Золушка превратится в Бабу-ягу.

Татьяна задумалась.

– А родители ее где живут? – подумав, спросила она.

– Тут, под Прагой, – ответил я и добавил: – А что?

– Ну, тогда посмотри, как родители живут, – сказала Таня. – Такой и ваша семья будет через десять-двадцать лет. У нее же тоже на подкорке выжжена модель поведения в семье.

– Таня, ты – гений, – я поцеловал ее в щечку, оставив на коже кроваво-грязный след от Джокера.

Я достал телефон и набрал Ленин номер.

– Привет, – через секунду ответила мне телефонная трубка.

– Привет, Леночка, – сказал я. – Соскучился что-то. Ты где сейчас? Может, встретимся?

– С удовольствием, – ответила Лена. – Мне к тебе приехать? Я сейчас дома. Пока соберусь. Дорога. Часа через два буду.

– Да что все у меня да у меня, – сказал я, – давай я к тебе приеду. Я тут недалеко. Заодно и с родителями познакомлюсь. И повод есть – праздник, как-никак.

– Какой праздник? – удивилась Лена.

– Хэллоуин, – пояснил я, – старинный праздник в Западной Европе и Северной Америке. День всех святых. Так я приеду?

– Ой, – сказала Лена, – не знаю, как-то внезапно. Я даже не накрашена.

– Зато я накрашен, – усмехнулся я. – Пришли адрес. Я выезжаю. Купить что-нибудь к столу?

– Маме – цветы, папе – конфеты, он сладкое любит, – решила Лена и продиктовала адрес.

– Скоро буду, – крикнул я в трубку и попросил у Тани еще компота.

Выпив его, я попрощался с борщовой компанией и отправился в магазин, где купил букет цветов и коробку конфет.

Уже в машине я понял, что одного букета мало. Поэтому я отсчитал пять цветков для Лены, а остальные цветы оставил для ее мамы.

Навигатор привела меня к зеленому дому за высоким забором. Я припарковался. Взяв с собой букеты и коробку с конфетами, я подошел к двери и нажал на звонок.

Дверь открыла Лена.

– Ой, – сказала она, – ты меня испугал.

– Праздник же, – отозвался я и вручил Леночке цветы, – поздравляю.

– Спасибо, – сказала Лена и повела меня в дом.

Первой нам встретилась Ленина мама.

– Ой, – закричала она и подпрыгнула от страха, – кто это?

– Мама, познакомься, это Вадим, – представила меня Лена, – Вадим, это моя мама, Татьяна Ивановна.

– Очень приятно, – сказал я и протянул Татьяне Ивановне второй букет, побольше.

– И мне приятно, – заикаясь, ответила Ленина мама. – Пойду на стол накрывать. А вы пока руки помойте и лицо, если вам не трудно.

– Не трудно, – сказала Лена и потянула меня на второй этаж, в ванную комнату. – Пошли, умоешься, пока ты тут всех не перепугал.

Лениного папу мы встретили на лестнице. Он не подпрыгнул и вроде даже не испугался.

– Хорошо нарисовано, – сказал он, – прям натурально очень. Только Бэтмена рядом не хватает.

– Вадим, – представился я.

– Олег, – протянул мне руку Ленин папа, – очень приятно.

Лена затащила меня в ванную, раздела до трусов и принялась смывать слой краски с моего лица и лак с волос.

– А твои родители давно вместе живут? – поинтересовался я, отфыркиваясь от льющейся воды.

– Сорок два года, – ответила Лена. – А что?

– Так, просто, – ответил я, – разговор поддержать. А сейчас они на пенсии?

– На пенсии, – сказала Лена. – Папа раньше в МИДе работал. Чем тебе волосы склеили? Их никакое мыло не берет.

– Это хорошо, – сказал я, – интеллигентная семья. Это хорошо. А волосы мы отмоем. Добавь горяченькой.

Минут через двадцать я, умытый, пахнущий шампунем и немного взволнованный, сидел за столом.

На столе стояла кастрюля с вездесущим борщом и тарелка с крабовым салатом.

– А пампушек нет? – освоившись, спросил я.

Лена незаметно двинула меня локтем в бок.

– Нет, но могу предложить булочки с маком, – ответила Татьяна Ивановна.

– Спасибо, я так, просто спросил, – сказал я, потирая ушибленный бок. – Я недавно узнал, что борщ с пампушками – это традиционная еда на Хэллоуин.

– Да что вы говорите? – удивилась Татьяна Ивановна. – Никогда этого не знала. На следующий год сделаю вам пампушки.

Потом мы поговорили о погоде, о понаехавших в Прагу иностранцах и о ценах на бензин. Ленина семья мне понравилась.

Я распрощался с ее родителями и вышел на улицу. Леночка пошла проводить меня до машины.

– Красивый у вас дом, – сказал я, – и сад тоже. Вот только от меня далеко. Почти час добираться.

– Да, далеко, – подтвердила Лена, – разные концы города.

– Тогда переезжай ко мне жить, – предложил я, – на бензине сэкономим. Чего туда-сюда мотаться?

– Как-то неожиданно, – сказала Лена, – но я согласна. Родители и без меня справятся.

– Вот и чудненько, – сказал я и сел в машину.

Лена наклонилась ко мне и поцеловала на прощанье.

– Тут мама гадает: ты из-за праздника ей четное количество цветов в букете подарил или просто ошибся? – спросила она.

– Ой, – ответил я, – конечно же, ошибся, я не специально. Честное слово.

– Я ей так и ответила, – сказала Лена, улыбнувшись, – не переживай. Все было хорошо. Вечер был замечательный.

В общем, родители мне понравились. По совету Тани я примерил их отношения в семье на себя, и мне это пришлось по вкусу. Поэтому спустя два месяца, на Рождество, я сделал Лене предложение.

– Я согласна, – сказала Леночка. – Я тебя люблю.

– И я. Вот только еще ребенка хочется, – ответил я. – Вдвоем, конечно, хорошо, но вдвоем еще лучше.

– Я тоже от тебя ребеночка хочу, – сказала Лена, – но мне сорок пять. Я уже старенькая для деторождения.

– Сорок пять – баба ягодка опять, – пошутил я. – Наука шагнула далеко вперед. ЭКО можно сделать. Я в интернете пороюсь, как это и сколько стоит. И еще знакомая у меня есть. Я ее недавно встретил. Говорит, что беременная. У нее спрошу.

– Что за знакомая? – заинтересовалась Лена.

– Светка, – ответил я, – героическая личность. Точно, надо у нее проконсультироваться.

Светка была 39-летней еврейкой в разводе. Муж ушел от нее более десяти лет назад, когда у Светки обнаружили рак. Известия о болезни и о разводе она приняла на удивление спокойно. Лишь затащила бывшего в местную клинику и заморозила несколько получившихся от него эмбрионов. А потом рванула в Чехию, лечиться от рака. В Израиле это было дороговато.

Она проходила химио- и радиотерапии в Праге и Мюнхене. Лысела. Толстела. Умудрялась между процедурами зарабатывать деньги на жизнь. И через 9 лет такой сумасшедшей жизни она все-таки выздоровела, окончательно и бесповоротно. Сдала два раза анализы, биопсию. Все подтвердилось – болезнь отступила.

Светка выдохнула и рванула в родную Израилевщину, где подсадила себе один из сохранных эмбрионов. Он прицепился к выздоровевшей плоти Светки и начал развиваться.

Все это я узнал от нее самой, сидя на скамейке в парке на Летне, куда она пришла по моей просьбе. Светка пила лимонад, завистливо поглядывая на мой бокал с пивом, и во время разговора поглаживала свой плоский живот. На беременную она мало походила.

– Мы тоже хотим ребенка, – выслушав Светку, сказал я и добавил: – Очень хотим.

– Сколько лет твоей жене? – спросила Светка.

– Сорок пять, – отпартовал я, – здорова, вредных привычек нет.

– Да я не про здоровье, – отмахнулась Светка, – я про деньги. Тут до 39 лет можно делать три попытки ЭКО за государственный счет. Так что вам придется за свои кровные ребятенка стругать.

– А сколько это стоит? – робко спросил я.

– Где-то тысяч сто крон за попытку, – ответила Светка, – но есть более бюджетный вариант. Это Белоруссия. Даже с проживанием и дорогой выходит дешевле, чем тут.

– Не, – на минуту задумавшись, ответил я, – в Белоруссию Ленка не поедет. Она комфорт любит.

– Тогда Чехия или Израиль, – кивнула головой Светка.

– А где лучше? – продолжил я пытаться беременную женщину.

– Одинаково, – ответила та, допив свой лимонад, – только в Израиле дороже в три раза это удовольствие.

– А почему дороже, если одинаково? – удивился я.

– Потому что евреи, – зло ответила Светка. – Пива хочется, мочи нет. Но нельзя.

– Так давай я тебе безалкогольного возьму, – предложил я.

Светка на минутку замолчала, словно переваривая мое предложение.

– Ты – гений, – наконец-то очнулась она, – что же я сразу не додумалась. Неси свое безалкогольное пиво.

Я принес Светке пива и орешков. Все это она уничтожила в течение полутора минут.

– В общем, – сказала она, допивая остатки пива, – идите в любую государственную или частную больницу в отделение репродукции. И там беременейте. А как забеременеете – к гинекологу. А потом уже в роддом.

– Спасибо, – сказал я. – Еще пива?

– Аха, – сказала она, – возьми сразу два, чтобы не бегать.

Я принес два бокала безалкогольного пива.

– Что-то меня тошнит от этого пива, – сказала Светка, – пойду я домой, наверное.

И она ушла.

Позже мы с Леной отправились в ближайшую к нашему дому больницу. В Мотол. Центр планирования семьи и репродукции в Мотоле располагался на 5 этаже. Приняла нас маленькая и толстенная, как колобок, врач.

– Начнете принимать гормональные лекарства, – сказала она Лене, – чтобы ваши яйцеклетки вырастали и были в порядке. Заодно проведем все необходимые исследования и анализы на совместимость и генетические отклонения.

Лена почему-то испугалась, услышав про генетические отклонения и возможную несовместимость.

– Все у нас совместится, – успокоил я ее, – вот чувствую, что все хорошо будет. И родишь ты мне дочку, маленькую, беленькую.

Жена постепенно успокаивалась, и я отправился оплачивать счет, что-то около двух тысяч евро.

– А говорили, что дороже будет, – повеселел я и пошел в аптеку за гормонами.

В аптеке мою веселость как рукой сняло, когда я узнал, сколько стоят гормональные лекарства для Лены. А стоили они дорого – по 500 евро за упаковку.

– Делаем длинный протокол, – сказала нам врач, – а если не получится, то потом короткий.

Я не понял ничего про протоколы, но на всякий случай кивнул головой. Длинный, так длинный. Главное, чтобы получилось.

В тот же день у нас взяли кровь. А моей слабой половине еще и УЗИ сделали.

Через неделю мы пришли на прием. Уже знакомая врач посмотрела наши анализы и одобительно покивала головой.

– А где спермограмма? – вдруг строго спросила она нас.

– Какая спермограмма? – вопросом на вопрос ответил я.

– Анализ вашей спермы, – сказала доктор. – Может быть, у вас там не все в порядке.

– Все у меня в порядке там, – почему-то покраснел я, – все работает как часы.

Доктор поморщилась.

– Через три дня в 9 утра придете, сдадите сперму. До этого никаких половых контактов, – приказала врач и, взглянув на мою жену, строгим тоном добавила: – никаких, чтобы было достаточно материала.

– Хорошо, – согласилась жена, – материал будет, раз надо.

– Будет, – поддакнул я. – А куда приходить и как сдавать?

– Сюда же приходите, – улыбнулась мне доктор. – У нас есть специальная комната в конце коридора. Утром в регистратуре отметитесь, вам дадут пузырек и проводят в эту комнату. Полученный материал сдадите в 5-й кабинет.

– Натощак? – спросил я.

– Что натощак? – не поняла доктор.

– Анализы сдавать натощак? – пояснил я.

Женщина в белом халате несколько мгновений оценивающе смотрела на меня.

– Лучше позавтракайте, – наконец ответила она, – легкий завтрак не повредит.

– Хорошо, – кивнул я.

Мы встали, попрощались с доктором и ушли домой.

Три дня мы с женой строго следовали предписаниям доктора. В назначенное время я пришел в отделение репродукции, которое представляло собой длинный коридор со стоящими вдоль него стульями. На стульях сидели парочки разных возрастов. Некоторые из женщин были

уже беременны, а остальные посматривали на них с тихой завистью. Парочки негромко переговаривались.

В начале коридора у входной двери располагалась регистратура – большое стеклянное окно с окошком поменьше для непосредственного общения с обслуживающим персоналом.

Я подошел вплотную к окошку.

– Добрый день, – сказал я, – мне на анализы назначено на сегодня.

За стеклом сидели две девицы в белых халатах неопределенного возраста.

– Талончик у двери возьмите, – ответила одна из них.

Я вернулся к двери, где стояла тумба с дисплеем. На дисплее высвечивались названия кабинетов. В самом низу я заметил надпись: «Спермограмма». Я нажал соответствующую кнопку, и из прорези тумбы выполз листок с номером 6. Почти сразу же на дисплеях, висящих над потолком на всем протяжении коридора, загорелась надпись: «6 номер – 2 кабинет».

Кабинет номер 2 – это регистратура. Я протянул листочек в окошко.

– Так что вы сразу не сказали, что вам на спермограмму? – удивилась одна из девиц.

Вторая взяла какую-то папку и исчезла в недрах регистратуры.

Первая девица открыла один из шкафов, стоявших в помещении, достала оттуда прозрачный пластмассовый пузырек с красной крышечкой и протянула мне.

Пузырек был высотой сантиметров пять и в диаметре сантиметра два-три. Я с сомнением взглянул на эту емкость.

– Что-то не так? – спросила девица.

– Как я сюда попаду? – задал я ей встречный вопрос. – Горлышко узкое.

Девица посмотрела на меня буквально тем же самым взглядом, которым меня одарила доктор несколько дней назад.

– В пузырек ничего засовывать не надо, – медленно и четко проговорила она, – постарайтесь сесть сперму в него и потом закройте крышечкой. И все это потом отнесете в кабинет номер 5.

Гул голосов за моей спиной стал тише. Сидящий рядом с регистратурой мужик с бородой вытянул голову, стараясь рассмотреть пузырек, в который нельзя засовывать. Увидев пластиковую емкость, он усмехнулся.

– У настоящего мужика не сцеживается, а выстреливает, – громко заявил он.

Девица покраснела.

– Значит, вам надо выстрелить и попасть в пузырек, чтобы мы смогли сделать анализы, – заключила она, – а остальное сходите.

– У меня зрение плохое, – ни с того ни с сего брякнул я, видимо, от волнения.

Бородатый мужик начал ржать. Гул голосов за спиной усилился.

Девица вздохнула и закатила глаза. Затем взяла какие-то ключи и вышла из регистратуры через боковую дверь.

– Идите за мной, – скомандовала она, – отведу вас в наш тир.

Мы прошли вдоль стульев с пациентами до конца коридора. Почти все смотрели на меня с любопытством. Злосчастный пузырек я спрятал от их взглядов в карман пиджака.

В конце коридора располагалась дверь. Она отличалась от остальных тем, что была обита толстым слоем войлока, закрытого синим дерматином. Над дверью висел красный фонарь, окруженный крупной сеткой.

За дверью оказалась маленькая, жарко натопленная комнатка. Половину ее пространства занимало желтое кожаное кресло, напротив которого стоял невысокий шкафчик со стеклянной дверкой. Рядом с креслом на стене располагалась большая красная кнопка, а за ним – дверь, ведущая в туалетную комнату с унитазом и умывальником. На отдельном столике лежала пачка салфеток.

– Когда нажмете на кнопку, включится телевизор и загорится лампочка над дверью, – начала инструктаж девица. – Это значит, что сюда никто не должен входить. Можете спокойно делать свое дело.

– А где телевизор? – перебил я ее.

– В шкафчике, – пояснила девица. – Он закрыт, и не пытайтесь его открыть. Включить или выключить телевизор вы можете с помощью красной кнопки. Все понятно?

Я кивнул. Чего уж тут непонятного?

Девица вышла, щелкнув замком и оставив меня одного.

Я осторожно сел на кресло. Кожа громко заскрипела подо мной. Из коридора слышался шум голосов. Он отвлекал. Это было странно, ведь дверь казалась достаточно толстой. Я присмотрелся и через мгновение понял, почему было так хорошо слышно все, что происходило в коридоре. Между полом и самой дверью я заметил щель высотой в несколько сантиметров, через которую и доносились звуки.

Я нажал на красную кнопку, и внутри шкафа что-то замерцало. Стекланные дверцы шкафа, видимо, протирали грязной тряпкой, и видно через него было, мягко говоря, не очень хорошо, поэтому я не сразу понял, что это за мерцание. Присмотревшись, я увидел внутри шкафа телевизор, на экране которого бежали титры. Звучала тихая музыка. Я нажал красную кнопку, и мерцание погасло.

Покинув комнату, я направился к регистратуре. Взгляды присутствующих устремились на меня.

– Что, уже? Так быстро? – удивился бородатый.

Я проигнорировал его и, наклонившись к окошку, сказал девице в белом халате:

– Там ничего не видно.

– Почему не видно? – удивилась она.

– Потому что стекла грязные, – пояснил я, – в шкафу, где стоит телевизор.

– А зачем телевизор в шкаф ставить? – спросила невысокая черненькая женщина, сидевшая напротив бородача.

– Надо так, – туманно ответил ее спутник, белобрысый мужик в джинсовом костюме, – по инструкции надо, наверное.

– Стекла недавно мыли, – перебила мужика девица, – чистые должны быть.

– Мыли, – согласился я, – но грязной тряпкой. Ничего не видно. У вас есть стеклоочиститель?

Девица покраснела. Взяв телефонную трубку, она набрала номер и позвонила куда-то. Через несколько минут в коридоре появилась женщина в синем халате. Мы втроем отправились в тесную комнатку в конце коридора, где синий халат тщательно протерла стекло.

– Теперь видно? – ехидно спросила девица.

– Изумительно, – кивнул я и добавил: – И все-таки зачем телевизор в шкаф запирать?

– Чтобы руками не хватали, – ответила девица и вместе с синим халатом удалилась из комнаты, снова оставив меня одного.

Я сел в кресло, нажал на красную кнопку. Экран внутри шкафа ожил, открыв передо мной красочную картину: мужчина и женщина гуляют по городу, он дарит ей цветы, целует, они пьют кофе. И все это происходило на фоне средневековых зданий. «Лейпциг, – я внезапно узнал город. – Точно, вот в этой церкви Бах похоронен. А вот тут Гете написал своего „Фауста“».

Но экскурсия по городу резко оборвалась. Мужчина повез женщину куда-то за город. Судя по прическам и маркам машин, фильм был снят году так в 80-м. Мужчина с женщиной зашли в спальню. Он начал раздевать ее. Какой-то человек в униформе подглядывал за ними в замочную скважину.

«Даст ис фантастиш», – услышал я с экрана телевизора.

Я вспомнил техникум, и как Серега Коршунов принес немецкий журнал с голыми тетками, и как он его продавал: одна страница – рубль. И как уже после техникума мы на чьем-то дне рождения смотрели немецкую порнуху на первых видеопроекторных «Электроника 18М».

Вернувшись в настоящее, я нажал красную кнопку, и экран погас.

Встав со скрипучего дивана, я вышел в коридор и снова отправился к окошку регистратуры.

– Получилось? – спросил меня бородач.

– Нет, – коротко ответил я ему.

– Что опять? – любопытствовала девица.

– У вас нет чего-нибудь более современного? – спросил я. – Там запись тех времен, когда было еще две Германии.

– При чем тут это? – вскипела девица. – Все то же самое, что и сейчас. Анатомия человека за эти годы не изменилась.

В коридоре стало тихо. Я спиной чувствовал взгляды сидящих вдоль стен пар.

– Тот факт, что сейчас тем актрисам по 80 лет, – тихо сказал я, – выбивает меня из колеи и не дает сосредоточиться. У вас есть фильмы поновее?

– Нету, – рявкнула девушка в белом халате и уже привычно покраснела.

За моей спиной поднялся гул. Общественность спорила о том, стареет ли немецкое порно со временем или оно вечно.

– В шкафу на полке, под телевизором, – сказала девица, – лежит журнал. Он современный. Можете его полистать.

– Спасибо, – сказал я и пошел обратно.

Подойдя к двери, я дернул ручку. Заперто. Я сделал глубокий вдох, потом такой же глубокий выдох и снова вернулся к окошку.

Бородач попытался меня о чем-то спросить.

– Нет, еще нет, – опередил я его.

Затем обратился к девице в регистратуре:

– Простите, там дверь захлопнулась. Не могли бы вы открыть?

Та молча вышла и отправилась в конец коридора открывать комнату.

– Спасибо большое, – сказал я.

Закрыв дверь, я уселся в кресло. Оно скрипнуло в ответ.

Я открыл нижние дверцы шкафа. На полке одиноко лежал скомканный журнал. Я осторожно вытащил его из недр шкафа. Журнал был весь мятый, без обложки, некоторые листы были склеены чем-то.

Я встал, взял прошитые листки грязной бумаги двумя пальцами, вышел в коридор и понес журнал к регистратуре. Народ в коридоре заинтересованно смотрел на меня.

– Это меня должно возбудить? – обратился я к девице, кидая журнал ей на стойку.

– А в чем дело? Не возбуждает? – устало спросила она.

– Нет, – честно ответил я, – только рвотный рефлекс возникает. Такое впечатление, что на него вся больница... это самое... смотреть ходила.

– Другого у нас нет, – сказала девица, – надо было с собой приносить. У нас не предусмотрено бюджетом новые порножурналы каждый день покупать.

– Это возмутительно, – вдруг подала голос блондинка, сидящая рядом с бородачом, – на всякую ерунду бюджетные средства расходовать они могут себе позволить, а элементарные мелочи купить денег нет. Это возмутительно. Мужчина уже второй час тут мучается. Не может элементарный анализ сдать. Это возмутительно.

Я с благодарностью посмотрел на блондинку.

– Все другие без проблем спермограмму сдают, – закипела девица, – никто не жалуется. Некоторым пары минут достаточно.

– Я не все, – перебил я девицу, – я так не могу. То кино эпохи развитого социализма, то журнал, зачитанный до непотребного состояния. Я так не могу. И кресло ваше скрипит. Вы его протираете, кстати?

– Протираем, – ответила девица.

– Той же тряпкой, что и стекло, – ржал бородач, – поэтому оно такое мутное.

В коридоре стало шумно.

– Мы тут уже два часа сидим в очереди, – возмутилась блондинка, – никому до нас нет дела. Это возмутительно.

– Медицина насквозь коррумпирована, – поддержал ее кто-то из противоположного ряда. Девица в окошке закатила глаза.

– Вы далеко живете? – спросила она меня.

– Рядом, – ответил я, – минут 10 на машине.

– Вот и езжайте домой, – командовала девица, – там сцедитесь и образцы принесете мне. За час ничего с вашей спермой не случится. Вас такой вариант устроит?

– Устроит, – кивнул я.

– Дома есть то, что вас возбуждает? – задала очередной вопрос девица. – Платные каналы или журналы для взрослых?

– Есть, – опять кивнул я, – кабельное.

– Кабельное – ерунда, – встрял в наш разговор бородач, – у меня есть классные фильмы. Из Голландии. Клоуны и карлики. Эксклюзивные съемки. Могу ссылку скинуть, где скачать. Там недорого.

– Спасибо, – ответил я ему, – не будем экспериментировать. Мне всего-навсего надо спермограмму сдать. В следующий раз.

– Хорошо, – успокоился бородач.

– В течение часа успеете? – спросила меня девица.

– Постараюсь, – ответил я.

– Тогда идите, – сказала девушка в белом халате, – я предупрежу пятый кабинет, что вы образцы из дома принесете в течение часа.

– До свидания, – попрощался я.

– До свидания, – нестройно ответили люди в коридоре.

Я вышел из отделения и направился к лифту, на котором спустился на первый этаж. Оказавшись внизу, я засунул руку в карман пиджака, чертыхнулся и, снова вернувшись в лифт, поехал обратно, в отделение.

Я зашел в помещение. Бородач, увидев меня, начал истерично смеяться, зажимая рот рукой. Остальные приветливо и вопрошающе заулыбались.

Я подошел к окошку.

– Извините, я пузырек в комнате оставил. Который для анализов.

Девица открыла шкаф, порылась в нем и достала точно такой же пузырек.

– Удачи вам, – сказала девушка, стараясь не смотреть мне в глаза, и молча протянула пузырек.

Я взял его и поехал домой.

Через 50 минут вернулся. В коридоре сидели уже новые люди. Бородача и блондинки не было видно.

Я прошел в пятый кабинет и передал задумчивому доктору пузырек со своей спермой.

– Столько хватит? – спросил его.

– Да-да, конечно, – кивнул он, – нам достаточно пары капель. Не стоило так стараться.

– Хорошо, – сказал я и почему-то покраснел, – в следующий раз не буду так стараться.

Когда анализы на генетику были готовы, нас с Леной пригласили в больницу.

– Вероятность отклонений одна к сорока тысячам, – сказал доктор, – поздравляю. У вас с генетикой все в порядке. Хорошая наследственность.

– Спасибо, – сказала Лена, – а то я уже вся испереживалась.

Она ела противные лекарства и мучилась из-за этого от тошноты.

– Вам еще надо будет съездить на другой конец города и сдать другие анализы, – сказал доктор.

– Кровь? – с подозрением спросил я.

– Кровь и спермограмму, – ответил доктор.

– Так я же уже сдавал, – возмутился я. – Почему нельзя было сразу все анализы сделать?

– Это другие анализы, на совместимость, – ответил доктор. – Езжайте, не задерживайте очередь.

И правда, к доктору была постоянная очередь. Огромное количество женщин всех возрастов хотели забеременеть. И, даже приходя в назначенное время, нам приходилось ждать по полчаса или даже по часу. Лену это нервировало.

Мы поехали в другой конец города. В клинике оказалась чистенькая приемная. Кроме нас было только двое посетителей. Через пять минут мы были у врача.

Мы сдали кровь.

– И спермограмму, – сказал врач.

– Что, опять? – вздохнул я.

– Да, будем исследовать ваших головастиков, – пошутил врач, – берите пробирку и идите в туалет. Последняя кабинка для вас. Вот ключ.

– В туалет? – переспросил я.

– В туалет, – кивнул врач, – последняя кабинка.

В туалете на последней кабинке висели замок и надпись: «Спермограмма».

Я достал ключ и открыл замок. Вместо унитаза там стоял стул. Рядом лежали рулон кухонных полотенец и стопка порножурналов.

Я закрыл дверь, вышел из туалета и пошел к врачу.

– Давайте пробирку, – сказал я, – дома сцежусь.

– А успеете привезти? – недоверчиво спросил врач.

– Успею, – ответил я, – русские сперматозоиды самые живучие в мире. Доказано британскими учеными.

Доктор поморгал глазами, переваривая высказанную мной мысль, но так ничего и не ответил. Лишь махнул рукой, мол, езжай.

Пока я мотался от дома к клиникам со своими пробирками, у Лены созрели яйцеклетки. Об этом нам сообщили на очередном УЗИ.

На следующий день утром мы приехали в Мотол. Лену положили на каталку и куда-то увезли. А меня послали «сцеживаться». Я мотнулся домой и вернулся обратно с полной пробиркой, которую торжественно вручил молодой медсестричке.

Пока я ждал, когда Лена проснется и ее можно будет забрать домой, пришла доктор и сообщила, что они забрали три яйцеклетки и успешно их оплодотворили и что через несколько дней мне позвонят и скажут, как все проходит.

И действительно, через несколько дней раздался звонок.

– Поздравляем, – сказали мне, – у вас два эмбриона. Один просто отличный, а второй на четверочку.

– А третий куда делся? – поинтересовался я.

– Третий зачах, – ответил грустно голос в телефоне, – но вам и одного для подсадки достаточно.

Еще через несколько дней мы снова приехали в ту же больницу. Лену положили на каталку и снова куда-то увезли. Я остался ждать в коридоре. Через пятнадцать минут жена вернулась.

– Все, подсадили, – сказала она, – теперь надо ждать.

И мы ждали.

Прошла неделя, потом другая.

Я купил в аптеке тесты. Одна полоска.

– Может, неисправный? – заволновался я. – Еще пописай. Я тут десяток купил. Про запас.

– Да нет ничего, – устало сказала Лена, – я чувствую. Не прицепился он ко мне.

Мы снова поехали в больницу. Прождали полтора часа, прежде чем оказаться в кабинете врача.

– Ничего страшного, – сказал доктор-колобок, выслушав наши опасения, – с первого раза не у всех получается. Сейчас сделаем короткий протокол.

– А при коротком протоколе получится? – поинтересовался я.

– Может, получится, а может, и нет, – туманно ответил «колобок», – возраст-то у вас вон какой. Хотя яйцеклетки организм вырабатывает. И неплохо. Надо продолжать. Когда-то все-таки вы забеременеете.

И мы продолжили попытки. Через месяц у Лены созрели шесть яйцеклеток. Из них четыре превратились в эмбрионы, один из которых снова подсадили.

Через две недели мы сдали тест. И снова одна полоска.

Я к этому времени знал все об ЭКО и мог даже лекции читать на эту тему.

И все у нас вроде оплодотворялось, но вредные эмбрионы не хотели цепляться за Лену. Не хотели, и все тут.

Мы сделали третий протокол. Подсадили эмбрион. И опять мимо.

С момента начала наших попыток стать родителями прошло полгода. Была потрачена приличная сумма денег. Лена от действия гормональных лекарств растолстела. Не сильно, но ее это чрезвычайно нервировало.

И тут я встретил Светку. Точнее, столкнулся с ней на улице. Светка вылезла через дырку в заборе, с трудом протискивая свой громадный живот между прутьев. За забором была стройка. Из-за забора кто-то кричал на Светку на украинском языке. Из крика я разобрал только русский мат и слова о том, что негоже беременным теткам по стройкам шариться, ибо можно оступиться и упасть в котлован.

– Свет, ты чего? – спросил я, помогая застрявшей в дырке приятельнице выбраться на улицу.

– Побелка, – ответила Светка и радостно улыбнулась, – побелка на стенах там вкусная.

Она достала из сумочки кусок старой штукатурки и с наслаждением откусила от него кусочек. Пожевала.

– А зачем на стройку лезть? – я продолжал допрос. – Смоталась бы в какой-нибудь Баумакс или Баухаус и купила бы себе и штукатурку, и побелку.

– В магазинах не то, – замахала руками Светка, – у старых стен совсем другой вкус. Совсем другой. Мне чего-то в организме не хватает, вот я и жру побелку. Ты не пугайся.

– Уже испугался, – сказал я. – А Лена, когда забеременеет, тоже по стройкам будет шастать?

– Не факт, – ответила Светка, – это все индивидуально. Может, ей земляных червяков захочется покусать или еще чего. А может, и без экзотики обойдется. Кстати, что там у вас?

Мы зашли в ближайшее кафе и сели за столик. Светка запивала штукатурку лимонадом, а я рассказывал ей про наши похождения и многочасовые сидения в очередях.

– А чего вы в частную клинику не идете? – спросила меня Светка. – Деньги те же, но очередей нет.

– Так ты же сама сказала, что и там, и там одно и то же, – удивился я.

– У коммерческих медцентров очередей нет, – сказала Светка и тайком откусила еще штукатурки. – В Гинем езжайте. Я тут на сохранении лежала пару дней. Мне соседка по палате их расхваливала.

– Хорошо, – кивнул я, – а ты еще обещала гинеколога посоветовать. Которая специалист. Лена ходит к кому-то, но это в поликлинике. Обычная докторша.

– Посоветую, – сказала Светка. – Тебе русскую или чешку?

– Нам все равно, – сказал я, – Лена оба языка знает.

– Тогда записывай. Она гинеколог от Бога, – Светка покопалась в телефоне и нашла нужный контакт. – Катерина Вахова. У нее амбулатория на...

– Не пойдет, – перебил я Светку, – давай русскую.

– В смысле не пойдет? – удивилась Светка.

– В смысле, что я ее знаю, – покраснел я. – Дружили мы как-то давно, еще до Ленки.

Светка посмотрела на меня оценивающим взглядом.

– Кобель ты, Федоров, – наконец-то сказала она. – И чего тебя так бабы любят? Ни кожи ни рожи.

– За талант, – огрызнулся я и повторил: – Давно это было, до Лены. Давай русскую.

– Тогда русскую, – Светка опять покопалась в телефоне. – Елена Ивановна, рекомендую. Специалист по УЗИ и вообще хороший человек.

Я переписал телефончик Елены Ивановны.

– Свет, а тебе когда рожать-то? – спросил я.

– Завтра, – ответила Светка, – у меня уже все готово: и палата, и доктор. И пацан мой наружу рвется. Может, и сегодня рожу. Да, надо домой ехать. У меня машина за углом.

Я с уважением посмотрел на Светкин живот и вздохнул.

– Ладно, я поехала, – Светка медленно поднялась со стула и вышла из кафе. Рожать.

А я расплатился и отправился домой. Нашел в интернете контакты Гинема, позвонил им и записался на прием.

Трехэтажное здание Гинема стояло в частном секторе на севере Праги. Стекло, бетон – хай-тек. Кабинет доктора был выполнен в том же стиле.

Звали доктора Мразек, что на русский переводится как Морозов, и он был владельцем клиники. Глядя на него, я сразу понял, что он доктор: седые аккуратно причесанные волосы, усталый взгляд с ленинской хитринкой.

Он минут десять изучал нашу папку с документами. Потом поднял глаза и еще пару минут изучал нас.

– Значит, ребенка хотите? – наконец спросил он.

– Хотим, – сказал я.

– Хотим, – пискнула Лена.

– Это хорошо, – сказал Мразек. – В принципе, в Мотоле все делали правильно. Будем продолжать. Я сейчас УЗИ Елене сделаю и выпишу лекарства. Сдадите кровь в соседнем кабинете. Вопросы ко мне есть?

– Есть, – сказал я. – А сколько вообще попыток можно делать? А то уже три раза подсаживали, и ничего.

– Это индивидуально, – доктор почесал затылок. – У меня были случаи, когда после десятой подсадки беременели. А бывает, что после первого раза эмбрион прицепляется. Тут не угадаешь. Можно суррогатную мать попросить, чтобы выносила, если средства позволяют.

– Нет, – вдруг твердо сказала Лена, – я сама буду вынашивать. Вы нам помогите с беременностью, а дальше я сама.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул головой Мразек, как будто именно такого ответа ожидал, – сама так сама. Снимайте юбку и свитер и ложитесь на кушетку. Поглядим, что там у вас и как.

Аппарат УЗИ у Мразека был совсем другой, не то что в государственной больнице: больше раза в два, и для меня на стене висел громадный телевизор, где показывались все Ленкины внутренности.

Мразек водил датчиком по Ленкиному животу и что-то у нее вполголоса спрашивал. Лена также вполголоса отвечала, косясь на меня.

– Все хорошо, – доктор протянул Лене пачку бумажных полотенец, – месяца через полтора будем подсаживать. Попьете лекарства, созреют яйцеклетки. Ну, вы и без меня все знаете.

– Знаем, – вздохнула Лена, – спасибо.

– Пожалуйста, – Мразек протянул мне рецепты на лекарства, – не отчаивайтесь. У меня в этом году две пациентки родили. Обоим за 50 лет. Дети здоровы. У вас по показателям тоже все великолепно. Просто нужно время.

Ободренные его словами, мы поехали домой.

Потом еще пару раз наведались в Гинем. Лене делали УЗИ. Очередей действительно не было. В приемной, где я коротал время в ожидании жены, появлялись пары и тут же исчезали в недрах клиники. Это были сплошь иностранцы: немцы, англичане, русские. За все время я не встретил ни одного чеха среди посетителей.

Наконец пришло наше время для четвертой попытки.

Мы приехали в клинику и выяснили, что доктор Мразек болен. У него грипп.

– Ничего страшного, – сказала мне администратор Яна, высокая и вечно улыбающаяся женщина неопределенного возраста, – доктор тут и не нужен. У нас отличный персонал. Все сделаем на высшем уровне. Надо только заполнить бумаги.

Мы зашли в кабинет. К Яне присоединилась еще одна женщина. Видимо, тоже администратор или врач. Мы с женой заполнили согласие на операцию, подписали несколько бланков.

– Сколько эмбрионов будем подсаживать? – вдруг спросила меня Яна.

– А сколько можно? – ошарашенный таким вопросом, спросил я.

В Мотоле меня об этом не спрашивали.

– Да хоть все сразу, – рассмеялась вторая женщина, – у нас тут, в опроснике, стоит количество подсаженных эмбрионов.

– Если два посадим, вероятность забеременеть будет выше? – осторожно спросил я.

– Конечно, выше, – кивнула головой Яна, – два эмбриона – это самый распространенный вариант. Хоть один, да прилепится.

– Давайте два, – сказал я, еще до конца не осознавая, что делаю.

– Пани Елена, – спросила Яна мою жену, – а вы как считаете? Сколько подсаживаем?

– Как муж скажет, – ответила Лена, испуганно оглянувшись на меня.

– Хорошо, – Яна заполнила опросник и дала нам расписаться, – завтра в 9 утра ждем вас на первом этаже.

– Хорошо, – сказали мы с Леной одновременно.

Домой ехали молча. Каждый думал о своем.

– Надо детские сандалики купить, – вдруг сказала Лена.

– Зачем? – удивился я.

– Примета такая, – объяснила Лена, – если есть одежда, то должен появиться и хозяин.

– Ты веришь в приметы? – удивился я.

– Нет, – смутилась Лена, – не верю. Но за полгода до того, как мы познакомились, я купила мужские тапочки и возила их в багажнике машины.

– Seriously? – еще сильнее удивился я.

– Да, – сказала Лена, – и, что самое удивительное, даже размер подошел. Сорок второй, как и у тебя.

– Куплю сандалики, – пообещал я. – Вот отвезу тебя домой и съезжу. Все равно мне на работу надо заскочить. Заодно и в магазин заеду.

– Хоть бы получилось, – с надеждой сказала Лена, – я уже устала и от этих лекарств, и от ожидания.

Я завез Лену домой, потом заскочил на работу на пять минут, а оттуда, как и обещал, заехал в магазин, в детский «Некст». Зал изобиловал одеждой. Я зачарованно бродил между рядами платьев и штанишек и представлял, что через год буду также ходить тут с Леной и выбирать что-нибудь нашему ребенку. Или через два года.

Сандалий я не нашел. Зато наткнулся на стеллаж с детскими носочками.

Выбрал размер для самых маленьких. Крохотные синенькие носочки. Подумал немного и добавил к той паре такие же, но розовые.

– Чтобы наверняка, – пробормотал я и отправился к кассе.

Дома я положил одни носочки в шкаф для белья, а другую пару – в прикроватную тумбочку.

На следующий день мы с Леной отправились в клинику. Я сдал жену из рук в руки двум медсестрам и поехал домой, предварительно получив пробирку.

– Когда вы будете везти ее обратно, поддерживайте температуру тела, – посоветовала мне одна из медсестер.

– Каким образом? – поинтересовался я.

– В нагрудный карман положите, – пояснила медсестра.

– Поближе к сердцу, – рассмеялся я, но указание выполнил.

Через некоторое время я привез пробирку обратно, отдал ее медсестре. Забрал Лену.

Через несколько дней раздался звонок. Звонили из Гинема.

– Здравствуйте. Поздравляем, у вас получилось десять первоклассных эмбрионов. Через пару дней можем подсаживать.

– Десять? – переспросил я. – С каждым разом все больше и больше. Скоро излишки продавать начнем.

– Продавать нельзя, – не поняла мою шутку звонившая, – законом запрещено. Ждем вас послезавтра в 9 утра.

Ночью накануне назначенного дня мне приснился дурацкий сон. Будто я стою в каком-то деревенском магазине. За мной громадная очередь из бабок. Они волнуются и ворчат, потому что я всех задерживаю. В помещении очень жарко. Напротив меня стоит дородная продавщица в засаленном халате и с нескрываемым презрением смотрит на меня.

– Так кого будем брать, – спросила меня продавщица, – мальчика или девочку?

– А разве это я должен решать? – удивился я.

Очередь за мной начала шуметь.

– Ну не мне же это решать, – возмутилась продавщица. – Это ты тут покупатель. Мое дело взвесить и продать.

– Я не знаю, – сказал я, – мне надо с женой посоветоваться.

– Дрыхнет твоя жена, – побагровела продавщица. – Пока я тут с вами вожусь, некоторые кисейные барышни спят без задних ног.

– Я тут уже два часа стою, – раздался мужской крик где-то в конце очереди, – чтобы бутылку водки купить. Что за безобразия?

– Водка с двух часов, – рявкнула продавщица невидимому мне мужику и обратилась ко мне: – Ты долго еще будешь тут титьки мять, морда интеллигентская?

– А чего вы обзываетесь? – возмутился я. – Я из этих, из рабоче-крестьянских. Будете хамить, я и жалобу напишу.

- Да хоть десять жалоб, – засмеялась продавщица. – Ты брать будешь ребенка?
- Буду, – сказал я.
- Кого? – уже и так багровая тетка покраснела еще сильнее, до огненно-пожарного состояния.
- Не знаю, – ответил я, – мальчика, наверное. Или девочку. Я правда не знаю.
- Он над нами издевается, – закричал кто-то в очереди. – У меня обед заканчивается, а я как стояла на одном месте, так ни на сантиметр и не продвинулась.
- Очередь давила на меня сзади. Кто-то дергал за рукав, кто-то издевательски хохотал.
- Выбирай, – заорала продавщица и грохнула кулаком по прилавку.
- Не буду, – таким же тоном ответил я и тоже ударил по прилавку, но ладонью, – мое дело сперму сдать. А кто будет – это не мне решать. Мне все равно. Главное, что мой.
- И тут я проснулся, весь мокрый от пота и с болью в руке, которой я шарахнул по прилавку.
- Мы с Леной молча позавтракали и отправились в клинику.
- Что-то я волнуюсь, – поделилась со мной Лена.
- А я уже привык, – ответил я, – только так до конца и не понимаю, чем короткий протокол отличается от длинного.
- Я же тебе несколько раз объясняла, – сказала Лена, – тут же все очень просто.
- Сложно все, сложно, – заворчал я, вылезая из машины. – Ты кого больше хочешь: мальчика или девочку?
- Кого Бог пошлет, – ответила Лена. – А ты кого?
- А я не знаю, – сказал я. – Посмотрим, чем нас частная клиника удивит.
- Частная клиника удивила нас тем, что я мог присутствовать при операции. Меня посадили на удобное кресло перед громадным телевизором, висящим на стене. Лена расположилась на кресле, отделенным от меня ширмой. На экран телевизора выводилась картинка от аппарата УЗИ.
- Мы поместили ваши эмбрионы радиометками, – объяснил мне молодой доктор. – Вот, видите на экране две точки? Это они.
- На экране появились два маленьких светлых пятнышка.
- Мы подберем их с помощью специальной трубки и введем вашей жене, – продолжил доктор, – и в последний момент под давлением выплюнем их прямо куда надо.
- На экране задвигались какие-то тени. Точки тоже начали перемещаться. Потом разделились и замерли.
- Все? – спросил я.
- Все, – подтвердил доктор.
- Спасибо, – сказали мы одновременно: я из кресла, а Лена из-за ширмы.
- Пожалуйста, – ответил доктор. – Полежите еще пару минут и можете ехать домой.
- Думаешь, в этот раз получится? – спросила меня Лена уже в машине.
- Думаю, да, – ответил я, – хоть один, да прицепится. Вероятность выше. Да и клиника мне понравилась. Никаких очередей, персонал приятный. Если что, еще раз съездим.
- А пока хорошо бы куда-нибудь отдохнуть съездить, – предложила Лена, – а то я что-то устала от всех этих процедур и волнений.
- Через неделю мы поехали в Карловы Вары. Ходили по городку и окрестностям, пили водичку. Перед отъездом я забежал в находящуюся напротив отеля аптеку и купил тестер.
- Зачем? – спросила Лена. – У нас этими тестерами уже вся полка в ванной завалена.
- Этот карлаварский, – сказал я, – должен быть счастливым. И стоит немерено. Давай проверим? Не хочешь пописать?
- Не хочу, – ответила Лена, рассматривая тестер. – И он не карлаварский, а французский.
- А может, все-таки пописаешь? – не унимался я. – Что тебе стоит?
- Дома, – отрезала Лена, – я сейчас не хочу.

Дома я продолжил свои домогательства.

– Не хочу я в туалет, – отбивалась Лена, – да и рано еще. Всего десять дней прошло.

Я послонулся по квартире и сел за письменный стол. Открыл компьютер и начал писать рассказ про Шестого ангела.

– Вади-и-и-ик, – позвала меня Лена, заглянув в комнату.

– Занят, – отмахнулся я, стуча по клавишам.

– Вади-и-и-ик, – не отставала Лена, – твой дорогой тестер неисправный. Он вообще ничего не показывает.

– Не может быть, – вскочил я из-за стола, – покажи.

Лена сунула мне под нос тестер. Действительно, в окошке не было вообще никаких делений. Пустое белое окошко.

И тут, как по волшебству, в этом самом окошке проступили две полосы: одна толстая и черная, а вторая серая, еле заметная, тонкая. Тонкая подумала-подумала и тоже почернела.

– Ленка, ты беременна, – сказал я охрипшим голосом.

– Как? – удивилась Лена.

– Искусственным способом, – продолжил хрипеть я. – Помнишь, мы перед Карловыми Варами в одну клинику заезжали на полчаса?

– Ой, – Лена наконец-то поняла, в чем дело, – ой, получилось. Здорово. Две полосы. А не было ничего.

– Французы никуда не торопятся, – продолжил я нести ахиною, – французские тесты самые тестерные в мире. Виват Франция и Карловы Вары.

– Ой, как здорово, – продолжила ойкать Лена, – наконец-то.

Я взял Лену под локоть и осторожно отвел на кухню, где посадил на диван. Налил ей томатного сока. Себе же из припасенной бутылки плеснул немного японского виски. Алкоголь я не пил уже примерно год из-за постоянных спермограмм и анализов.

– Все, – сказал я, – половину дела сделали. Осталось только выносить нашего ребенка и родить.

– Что-то мне страшно, – ответила Лена, потягивая томатный сок, – вынашивать-то мне придется. Но вдруг что не так пойдет?

– Все будет так, – я пересел на диван и обнял Лену, – все будет хорошо. Просто замечательно. Завтра запишемся к гинекологу, и пойдешь на прием. А сейчас давай ужинать и ложиться.

Спал я как убитый. Ничего не снилось. Толстая продавщица осталась в прошлом сне. Мне было все равно, кто у нас родится: мальчик или девочка.

Я проснулся ночью от плача. Лена всхлипывала рядом.

– У меня живот болит, – прохныкала она, – у меня, наверное, выкидыш. Я только что в туалет ходила, там кровь.

Я вскочил. Принес Лене воды. Долго ее успокаивал, рассказывая всякие разности и вспоминая, как мы познакомились. Наконец она уснула. Задремал и я.

Утром мы встали, оделись и поехали в больницу. У кабинета дежурного гинеколога была привычная очередь. У Лены красовались темные круги под глазами.

– Я ночью встала, – рассказала мне Лена, – пошла в туалет. А из меня что-то вывалилось. И живот болит. И страшно стало.

– Все будет хорошо, – ответил я, – не волнуйся. Все хорошо.

Минут через сорок вызвали Лену. Она, прихрамывая, скрылась за дверью кабинета.

«Все, – решаю я про себя, – хватит и себя, и Ленку мучить. Хватит экспериментов. Ну не будет у нас ребенка. Не судьба, видимо».

Настроение было паршивое. Хотелось выть.

«Хватит, – твердил я, как мантру, – хватит. Против природы не попрешь».

Дверь кабинета распахнулась. Из нее на полусогнутых ногах вывалилась Лена и подбежала с улыбкой до ушей.

– Что случилось? – не понял я.

– Все в порядке, – оглядываясь на очередь, прошептала она, – прицепились. Оба.

– А ночью? – спросил я.

– При посадке, видимо, задела сосуд какой-то, и гематома образовалась, – утаскивая меня в коридор, к лифтам, говорила Лена, – вот она и вышла. А детишки прицепились. Сидят на своих местах.

– Оба? – наконец до меня дошло, что Лена не просто беременна, а беременна двойней.

– Оба, – уже в полный голос сказала Лена, – получилось. У нас будет два ребенка. Правда, медсестра удивилась, что нам двоих посадили. Сказала, что в моем возрасте только одного обычно. Риск и прочее. И чтобы я очень бережно к себе относилась.

– Будем бережно относиться, – сказал я, – главное, что все в порядке, как я и говорил.

Только дома до меня дошло, что у нас будет двое детей. Двое.

Я достал рассованные по полкам розовые и синенькие носочки и задумчиво уставился на них. Лена подошла сзади и обняла меня.

– Интересно, кто у нас получился? – спросила она, целуя мне спину через майку.

– Тут всего три варианта, – отвечаю я, – или две девочки, или два мальчика, или королевская двойня: мальчик и девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.